

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет
Кафедра истории Средних веков

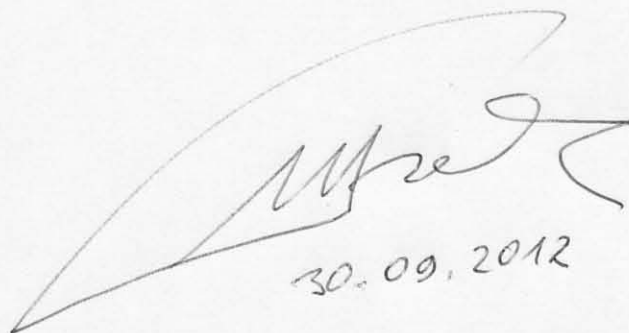
На правах рукописи

Ломакин Никита Андреевич

**Образы пространства
в папском церемониале XIII — XIV вв.**

раздел 07.00.00 – исторические науки
специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

30.09.2012

Москва
2012

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Михаил Анатольевич Бойцов.

Официальные оппоненты: доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Степан Сергеевич Ванеян;

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра специальных исторических дисциплин, сравнительного и теоретического источниковедения Института всеобщей истории Российской академии наук Елена Валерьевна Казбекова.

Ведущая организация: Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Защита состоится «__» _____ 2012 г. в _____ на заседании Диссертационного совета по всеобщей истории при Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, МГУ, Исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

Никитина Т.В.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Вопрос об организации и восприятии пространства на разных уровнях (жилище, общественные и сакральные пространства, природные и рукотворные ландшафты, вселенная и пр.) — один из ключевых в самопознании человека и общества. Сегодня уже не вызывают столь бурных, как ранее, дискуссий теории, усматривающие в пространственных метафорах одну из важнейших основ структуры языков и человеческого мышления¹. О значении воспринятых через окружающее пространство моделей для структурирования различных категорий действительности говорят в один голос и историки, и психологи, и философы. То или иное понимание пространства служит основой для построения иерархий, отделения «своего» от «чужого», самоидентификации человека и сообщества, структурирует социальные, экономические, религиозные и культурные практики.

Представление о восприятии пространства как категории исторической и историчной является завоеванием гуманитарных наук XX в. Историки минувшего века значительное внимание уделяли восприятию людьми прошлого окружающей их среды, представлениям о мироустройстве и их отражениям в архитектуре жилищ, усадеб, общественных пространств. На более обобщенном, социологическом, уровне, исследовалось создание и воспроизводство пространства как носителя определённой экономической парадигмы. Сравнительно недавно был сформулирован ещё один фокус «пространственных» штудий — пространство ритуала (иначе церемониальное, перформативное пространство).

---

¹ *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М., 2004 (1-ое изд. на англ. языке — Chicago, 1980); *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004 (1-е изд. на англ. языке — Chicago, 1987).

Теория перформативного пространства весьма перспективна для изучения особенностей мышления различных социальных групп. Пространство ритуала, определяемое не только конкретным местом его совершения и архитектурными или естественными границами площадки-«сцены», но и расположением групп людей, символически значимых объектов и даже жестами участников ритуала – один из идеальных примеров «создаваемого» (рационально конструируемого) пространства. В нём воплощается целый комплекс представлений об устройстве мироздания, общества, отдельных его институтов, о соотношении между социальными группами.

Изучая особенности появления и воспроизводства тех или иных типов ритуальных пространств, исследователь приближается к пониманию механизмов, определявших социальное мышление и «коллективную память» (термин М. Хальбвакса) людей прошлого и, вероятно, продолжающих сказываться на восприятии пространства современным человеком.

Проблематика и степень научной изученности темы. Концепция особого пространства ритуала была сформулирована главным образом в 1980-1990-х гг. на стыке изучения истории архитектуры, социологического и семантического прочтения средневековых ритуалов². В 1988 году в Туре состоялся симпозиум «Архитектура и социальная жизнь»³, объединивший историков и архитекторов. На рубеже 1980-х и 1990-х появилось множество исследований на схожие сюжеты⁴. В 1994 году прошёл colloquium

---

² Пионером в этой области является Н. Элиас, обративший внимание на то, что организация пространства жилища может стать богатейшим источником сведений о представлениях об общественной структуре в целом. См.: *Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии* / Пер. с нем. яз. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова и др. М., 2002 (оригинал: *Elias N. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Berlin, 1969*).

³ *Architecture et vie sociale. L'organisation intérieure des grandes demeures à la fin du moyen âge et à la Renaissance; actes du colloque tenu à Tours du 6 au 10 juin 1988* / Ed. J. Guillaume. Paris, 1994.

⁴ Библиографию см.: *Paravicini W. Zeremoniell und Raum // Zeremoniell und Raum: 4. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen* / Hrsg. W. Paravicini. Sigmaringen, 1997 (*Residenzenforschung*, 6). S. 28-36.

«Церемониал и пространство»⁵ в Потсдаме, организованный «Комиссией по изучению резиденций» под руководством В. Паравичини. В материалах этих конференций церемония рассматривалась как единство участников, места и времени действия. Интерес к пространству церемонии как своего рода «сцене» для церемонии сочетается с определением проблематики «церемониального пространства», понимаемой не только как изучение взаимного расположения участников, но и как анализ символического значения границ пространств и способов их перехода, как рассмотрение того, что собой представляли и как с течением времени изменялись основные принципы устройства разного рода резиденций, дворцов, а отчасти и храмов. Появление и разработка в 1990-х гг. различных методик изучения пространства церемонии во многом способствовали заметному изменению в 2000-х гг. монографических исследований, посвященных средневековым зданиям, площадям и городам. К традиционным искусствоведческому и археологическому аспектам их изучения добавился новый — использование значимых центров городского или дворцового пространства как площадок для церемониальной активности (см., например, работы С. де Блау, Г. Радке, Г. Кершера, К. Миллера)⁶.

Благодаря этим исследованиям, в настоящее время уже не подвергается сомнению то, что пространство является одной из ключевых составляющих языка церемонии. Тот или иной ритуал совершается в определенном, предназначенном для него пространстве, использует те или иные его особенности; пространство структурирует церемонию и задаёт контексты её восприятия; расположение участников церемонии относительно друг друга и вокруг символического центра пространства ритуала — важнейшая характеристика совершающегося действия. Однако в большинстве современных

---

⁵ Zeremoniell und Raum (как в сн. 4).

⁶ *Blaauw S., de. Cultus et Decor. T. 1-2. Città del Vaticano, 1994 (Studi e testi, 355-356); Radke G. Viterbo: Profile of a Thirteenth-Century Papal Palace. Cambridge, 1996; Kersch G. Architektur als Repräsentation: spätmittelalterliche Palastbaukunst zwischen Pracht und zeremoniellen Voraussetzungen; Avignon — Mallorca — Kirchenstaat. Tübingen, 2000; Miller C. The Bishop's Palace: Architecture and Authority in Medieval Italy. N. Y.; London, 2000.*

работ, посвященных пространству и пространственности в церемониях, речь идёт скорее об архитектуре или особенностях передачи в ней тех или иных политических или богословских смыслов. В то же время не часто ставятся вопросы о том, чьими глазами и как мы «видим» те или иные церемонии и ритуалы⁷? В чём заключаются особенности описания и конструирования пространственных моделей церемоний, какое мировосприятие они отражают?

Объектом исследования являются описания папских церемоний XIII-нач. XIV века. Понятие «церемония» следует в данном случае трактовать широко. Комплекс церемониальных практик римской курии включал как обычные обряды литургического года и торжественные службы, проводимые папой (или в его присутствии) в особо важные дни литургического года, так и вполне «светские» церемонии встречи послов или самих государей, правила проведения торжественных трапез, созыва Соборов и пр. В отличие от более поздней эпохи, церемониал этого времени не предполагал деления на светские и церковные обряды. Сборники (получившие впоследствии название «церемониалов») объединяли тексты чинов (лат. *ordines*), описывавшие или устанавливавшие правила, по которым строилось любое появление папы или других представителей курии на публике.

Предметом диссертационного исследования является восприятие литургического и «политического» пространств церемонии со стороны её непосредственных «сценаристов», клириков, приближенных к папской курии в XIII — первой половине XIV века. Особенности этого восприятия нашли отражение в церемониальных документах, создававшихся при курии в рассматриваемый период, и в толкованиях литургии, которые активно использовались для прояснения символики тех или иных жестов.

Хронологические рамки исследования. Превращение в XIII столетии папского двора в один из важнейших политических и культурных центров

---

⁷ Едва ли не единственным примером такого подхода является работа Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

Европы дало мощный толчок развитию церемониального оформления власти римского понтифика. В это время происходит кодификация старых церемоний и обрядов, составляются новые описания только появившихся или же не описанных ранее церемоний. Так, в понтификат Иннокентия III (1198-1216) из многочисленных разрозненных чинов был собран и систематизирован Бревиарий римской курии, обобщивший литургические функции папы и папской капеллы в ходе темпорального и санкторального циклов литургического года. Систематизации подверглось и символическое толкование римского богослужения — в первую очередь усилиями Лотарио ди Сеньи (будущего папы Иннокентия III), и Гийома Дюрана Старшего — в котором немалое место занял образ римского понтифика как главы Церкви и предстоятеля Латеранской базилики. Во второй половине века окончательно оформился сборник чинов тех обрядов, которые были связаны с деятельностью папы как главы Римской католической Церкви (коронация папы и императора, рукоположение епископов и архиепископов и т.п.), — так называемый Понтификал XIII в.⁸ Появились рубрики, четко определяющие особенности использования инсигний папской власти (митры, тиары) и внелитургический церемониал.

Заявленные в названии диссертации хронологические рамки весьма условны. Процессы и тенденции, рассматриваемые в работе, весьма непросто соотнести с конкретными датами или даже десятилетиями. Главным образом это связано со спецификой источников. Используемые сборники чинов датируются XIII-серединой XIV века. При этом в большинстве случаев практически невозможно датировать значительную часть чинов, включенных в них. Кроме того, процессы и тенденции, рассматриваемые в работе, растягиваются на многие десятилетия и нередко выходят за рамки

---

⁸ *Andrieu M. Le Pontifical romain au Moyen Âge. Vol. 2. Le Pontifical de la curie Romaine au XIIIe siècle. Città del Vaticano, 1937 (Studi e testi, 87).*

обозначенного периода, захватывая как XII век, так и значительную часть XIV века.

Рассмотрение литургической литературы часто также выходит за рамки принятых нами временных ограничений. Это связано с большой ролью предшествующей традиции — так, Гийом Дюран во многом опирается на Гонория Отёнского и Сикарда Кремонского, живших в XII в.

Источники. Для воссоздания образов пространства, бытовавших в сознании близких к курии клириков, мы используем два взаимодополняющих типа источников. Первый представляет собой церемониальные инструкции, содержащиеся в так называемых римских чинах или рубриках. Чины дают краткие указания относительно проведения того или иного обряда, иногда (но крайне редко) включают полные тексты произносимых молитв. Чины дошли до нас в составе сборников, важнейшими из которых в XIII в. являются Понтификал, Бревиарий Иннокентия III с позднейшими дополнениями, «Церемониал Григория X», «Церемониал Латино Малабранки»⁹. Отдельные чины XIII и начала XIV веков были включены в «авиньонские сборники» середины XIV века — собрания Авиньонского манускрипта 1706¹⁰ и различные версии *Ordo Romanus XIV*¹¹.

Детальное фиксирование подробностей проведения церемонии было связано не только со стремлением к сохранению и унификации церемониальных практик или к созданию образца, соответствие которому делало церемонию легитимной (особенно актуально это было, например, в ситуации с избранием и коронацией папы — признание этих церемоний неканоничными могло поставить под вопрос саму власть данного понтифика).

---

⁹ Последнее и лучшее на сегодняшний день издание: *Dykman M. Le cérémonial papal de la fin de Moyen âge à la Renaissance. Vol. 1. Bruxelles; Rome, 1977 (Bibliothèque de l'Institut historique belge de Rome, 26).*

¹⁰ Издание: *Schimmelpfennig B. Die Zeremonienbücher der römischen Kurie im Mittelalter. Tübingen, 1973 (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom, 40).*

¹¹ *Dykman M. Op. cit. Vol. 2. Bruxelles; Rome, 1983 (Bibliothèque de l'Institut historique belge de Rome, 27)*

Не менее важной стороной создания чинов стало закрепление привилегий определенных групп клириков, принимавших участие в церемониях. Не случайно, крупные сборники церемониальных документов, объединяемые в группу *Ordo Romanus XIV*, возникли в конце XIII-XIV в. в папской канцелярии без видимого участия понтификов.

Большинство изменений в чины церемоний вносились анонимно и зачастую лишь по обрывочным упоминаниям в позднейших чинах или по характеру правки можно доказать, что то или иное сочинение принадлежит руке конкретного знатока церемоний. Таким образом, легший в основу диссертационного исследования комплекс документов, следует считать коллективным произведением. Его авторами становились те самые приближенные к понтифику клирики (прежде всего, кардиналы), чье место в общей системе церковного управления находило отражение в повседневных церемониальных практиках римской курии.

Важнейшей проблемой в изучении типа социального сознания, стоящего за чинами, является отсутствие полноценных комментариев на действия, описанные во всех этих текстах. О том, что считалось важной частью церемонии, а что — второстепенной, какие пространственные описания складывались в пространственный образ, а каким не придавалось особого значения, приходится судить лишь гипотетически, сверяя множество однотипных документов и обращая внимание на оговорки или изменения предписаний от одного случая к другому.

С учётом этой особенности источников традиционный для исследователей папского церемониала анализ указаний чинов дополнен нами рассмотрением ряда литургических трактатов, содержащих аллегорическое толкование мессы. Обращаясь к подобным текстам, мы, как правило, не можем говорить об описании литургистами своего непосредственного богослужебного опыта — над ними довлела многовековая традиция, делавшая роль отдельных авторов незначительной. Однако это не противоречит тому, что выбор объектов

для истолкования и принципы наделения их особым символическим смыслом отражают видение авторами реальной (или воображаемой) литургии.

Выбор «Рационала божественных служб» Гийома Дюрана (ок. 1230-1296)¹² в качестве основного источника обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, это наиболее полное из известных средневековых толкований литургии. В восьми книгах «Рационала» содержатся описания и толкования здания церкви, функций министрантов (участников литургии помимо служащего священника и епископа), хода торжественного богослужения, особенностей служб суточного и годового циклов, принципы календарных расчётов и пр. Во-вторых, автор «Рационала» был близок к папской курии и к тем, кто мог быть авторами чинов. Получив юридическое образование в Болонье, Гийом Дюран по в 1264 г. прибыл к папскому двору, с которым впоследствии была связана большая часть его жизни. Г. Дюран сопровождал папу Григория X на II Лионский Собор в 1274 г., он являлся каноником папской капеллы и в течение долгого времени занимал пост аудитора дворца. Таким образом, тот литургический опыт, на который ссылается Г. Дюран как на один из источников трактата, был приобретен им в Риме. Вполне вероятно также, что именно близость к римской курии с её традиционным восприятием богослужения и его толкования подтолкнули Дюрана к написанию своеобразной суммы аллегорического толкования богослужений в то самое время, когда к северу от Альп интерес к ним явно падал. В-третьих, «Рационал» обладал таким авторитетом, что быстро занял заслуженно почетное место в библиотеках средневековых знатоков церемоний; ссылки на него делались ещё в чинах рубежа XIV и XV века.

Методологическая основа исследования. Важнейшей методологической предпосылкой нашего исследования является допущение того, что любое описание является созданной по определенным правилам

---

¹² Издание: *Guillelmus Durandus. Rationale Divinorum Officiorum = Guillelmi Duranti. Rationale Divinorum Officiorum / Ed. A. Davril, T. M. Thibodeau. T.1-3. Turnhout, 1995-2000 (Corpus Christianorum 140).*

интерпретацией воспринимаемого явления. С одной стороны, эти правила определяются языком и его стилем, соответствующим той социальной и интеллектуальной группе, к которой принадлежит автор исследуемого текста. С другой стороны, за способами восприятия и описания явления стоят господствующие в культуре способы отношения к времени, пространству и к человеку.

Руководствуясь этим соображением, мы избрали центральной темой исследования соотношение реального (воспринимаемого) и описываемого пространств в текстах, посвященных литургии и околотургическим практикам римской курии в XIII-XIV вв. К таким практикам мы относим различные виды богослужения, прочие обряды, происходившие в церкви, городские процессии, публичные обряды, сопровождавшие вступление римского понтифика на кафедру и осуществление им власти.

Под «пространством» далее мы будем понимать не любые пространственные описания, а лишь те, которые образуют некую систему и осмысляются авторами описаний как целостность — своего рода образы пространства. Как представляется, такое ограничение позволит отсеять все малосущественные пространственные описания обрядов (т.е. те, в которых пространственное измерение для авторов указаний или толкований малозначимо). С другой стороны, обращение именно к образам пространства, а не к пространству в широком его понимании, позволяет апеллировать к конкретной традиции и конкретной культурной и социальной группе, в рамках которой эти образы формируются и существуют.

Работа носит междисциплинарный характер, объединяя методы семиотики, социальной истории, а отчасти и истории искусства; содержит историко-филологический анализ источников.

Задачи исследования. Главной задачей является выявление и анализ пространственных образов литургических и околотургических практик римской курии XIII- первой половины XIV века. В рамках этой задачи

формулируются следующие исследовательские вопросы. Какие типы пространственных образов можно выявить в рассматриваемых материалах? В соответствии с какими правилами эти образы конструировались? Какое место они занимали в осмыслении современниками обрядов римской церкви? Рассмотрение в диссертационном исследовании этих вопросов предполагает анализ дискурсивной роли пространственных образов в общем церемониальном дискурсе. Второй задачей является рассмотрение пространственных образов в более широкой перспективе — как формы «культурной памяти» (в понимании Я. Ассмана)¹³. Здесь ключевыми вопросами будут следующие. Какое влияние пространственные образы оказывают на формирование облика церемониала? Какую информацию они хранят и как способ хранения этой информации связан с отношением культуры к пространству, времени и человеку?

Научная новизна работы. Новизна диссертационного исследования определяется новизной предмета изучения — пространственных образов вообще и папского церемониала в частности. В исследовании впервые комплексно анализируется семиотика пространственных указаний на разных уровнях толкования богослужения в литургических трактатах. Также приводится обзор практики использования чинов XIII-XIV вв., особенностей их устройства и языка. Впервые систематически изучен материал по папским коронациям вне города до авиньонского периода, в частности, по коронациям в Лионе.

Практическое значение исследования. Материалы и выводы настоящей диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения папского церемониала (а также иных видов церковного и светского церемониала), механизмов «культурной памяти» и восприятия сакральных пространств в Средневековье и в раннее Новое время. Нарботанный материал может быть полезен при чтении специальных курсов по истории Римской католической

---

¹³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Церкви и придворной культуры, при издании общих и специальных учебных пособий по истории и теории культуры, истории культуры Средних веков и раннего Нового времени.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались в 2008-2011 гг. на заседания кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Отдельным сюжетам, связанным с диссертационной работой, посвящен ряд выступлений на научных конференциях и самостоятельных докладов в ИВИ РАН, СПбГУ, Варшавском университете, университете имени братьев Гумбольдт (Берлин) и др. Результаты исследования отражены в публикациях, приводимых в библиографии.

Структура работы

Работа состоит из введения, историографического раздела, обзора источников, двух глав, заключения и приложения в виде иллюстраций к тексту второй главы.

Историографический раздел состоит из трёх частей. В первой рассматривается изменение исследовательских подходов к изучению папского церемониала на протяжении XIX-XX веков, следовавшее за общими переменами в восприятии истории папства и папства в целом. Вторая часть посвящена методологии изучения пространства и пространственной проблематике в исторической науке начиная с первых десятилетий XX века, когда на восприятие исследователями «пространств» сильное влияние оказала феноменология, до недавнего «пространственного поворота» и новейших исследований в интересующей нас области. В четвёртом разделе анализируются исследования, обыкновенно относимые к направлению «перформативной» истории. Основное внимание здесь уделяется развитию методологии на протяжении 1980-х — 2000-х годов.

В **источниковедческой части** рассмотрено развитие церемониальных книг римской курии с раннего Средневековья до XV в., проанализированы особенности основных сочинений XIII-XIV вв., посвященных аллегорическому истолкованию мессы. Также выявлены специфические черты бытования церемониальных документов при курии в изучаемый период. В частности, рассмотрены вопросы об авторстве чинов, о практике их сохранения в архивах и о стратегиях использования старых документов при планировании новых церемоний.

Первая глава «Пространственные образы в трудах литургистов» представляет собой исследование семантики пространства богослужения в трактатах по толкованию литургии, в первую очередь, в «Рационале божественных служб» Гийома Дюрана. Цель этой главы — приблизиться к тем особенностям восприятия пространства литургии, которые не отразились в «римских церемониальных чинах», прежде всего к символической интерпретации элементов церковного строения и перемещений в нём участников литургии через призму библейской истории и представлений об устройстве земной Церкви.

В традиции толкования богослужений главным средством осмысления церковных обрядов становится заимствованная из экзегетики библейских текстов теория «четырёх смыслов Священного Писания» — буквального, аллегорического, тропологического и анагогического. В *первой части* показано, что толкование конкретных символов зачастую не вписывалось в эту схему. Композиция трактатов и способы толкования позволяют говорить о сосуществовании в сознании литургистов двух типов пространств. К первому типу следует отнести описания церковного здания вне контекста богослужения. Ко второму — перемещения и расположение участников богослужений относительно друг друга и центров сакрального пространства (алтаря, амвона и епископской кафедры). Если в описаниях и толковании пространства церковного здания литургисты придерживаются относительно стройных

концепций, представляющих архитектуру церкви как своеобразный «мнемотоп» (термин Я. Ассмана), то толкования пространства богослужения включают различные конкурирующие интерпретации, отчего эти толкования оказываются более динамичными, сложными и многомерными.

Во второй части рассматривается толкование Дюраном церковной архитектуры вне контекста богослужения. Показано, что архитектура описываемой Дюраном и его предшественниками «идеальной» церкви крайне условна и сочетает в себе несочетаемые в реальности элементы. При этом значительная часть описаний устройства церкви восходит к библейским рассказам об иерусалимском Храме и дворце Соломона (3Цар. 6-7; 2Пар. 3-4; Иез. 40-48).

На примере трактатов виднейших литургистов XII в. — Гонория Отёнского, Сикарда Кремонского и Псевдо-Гуго Сен-Викторского — показана эволюция концепций толкования храмовой архитектуры. Так, в «Драгоценности души» Гонория Отёнского¹⁴ церковное здание предстаёт прямым наследником иерусалимского Храма, а толкование отдельных его частей тяготеет к отождествлению с соответствующими деталями описания Храма. Символика церковной архитектуры мыслится почти исключительно через призму библейского прототипа. Несколько более сложной представляется семантика церковной архитектуры в «Митрале» Сикарда Кремонского¹⁵: сохраняя в качестве ключевой идею преемства от библейского Храма, Сикард подробнее останавливается на тропологическом толковании церкви как символа человеческой души. Другая традиция толкования церковного пространства представлена в «Зерцале о таинствах Церкви», приписываемом Гуго Сен-Викторскому¹⁶. В своей интерпретации церковного здания автор

---

¹⁴ *Honorius Augustodunensis. Gemma animae // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Acc. J.P. Migne (далее PL). Т. 172. P., 1854. Col. 541-738.*

¹⁵ *Sicardus Cremonensis. Mitrale seu De officiis ecclesiasticis summa // PL. Т. 213. P., 1855. Col. 13-434.*

¹⁶ *(Pseudo-)Hugo de S. Victore. Speculum de mysteriis ecclesiae // PL. Т. 177. P., 1854. Col. 335-381.*

«Зерцала» стремится к аскетизму и цельности образа. Церковное здание рассматривается исходя исключительно из общего его понимания как образа «святой католической Церкви, устроенной на небесах из живых камней».

Концепция толкования церкви Гийомом Дюраном отличается от рассмотренных выше вниманием к тем аспектам символики храмовой архитектуры, которые связывают её с представлениями об устройстве земной Церкви как общины верующих. Одновременно автор «Рационала» стремится представить церковь как независимую от иерусалимского Храма смысловую единицу, подчёркивая в ряде случаев отсутствие преемства между библейским прототипом и христианским культовым строением.

В *третьей части* анализируются особенности толкований пространства в ходе литургии. В толкованиях Дюрана можно видеть, что богослужение не подстраивается под имеющееся пространство, но каждый раз создаёт новое, разделяя его невидимыми границами, обозначая переходы через них особым образом, наделяя каждый раз новым смыслом находящиеся внутри него объекты. «Язык пространства» — способы обозначения границ, означения тех или иных смысловых его зон — оказывается в таком случае намного шире тех средств, которые может предложить сугубо пространственный дискурс. Важную роль играют смена одежды, распеваемые гимны, совершаемые крестные знамения или преклонения колен. Богослужение в таком виде представляет собой плотно собранное единство движений, жестов, слов и внешней обстановки. С другой стороны, описания службы Дюраном свидетельствуют о том, что даже к концу XIII в. говорить о наличии единого толкования, подчинившего бы себе все прочие смыслы и подсмыслы священнодействия, не приходится.

Среди описаний богослужения, где речь идёт и о пространственной организации службы, можно выделить два типа, когда пространство становится наиболее значимым носителем смысла. К первому типу следует относиться перемещения участников богослужения; ко второму — описания процессий, в

которых особое значение приобретает расположение священнослужителей друг относительно друга.

В *четвёртой части* рассмотрена семантика приалтарного пространства в ходе богослужения. Толкование пространственных перемещений священника у алтаря лишь опосредованно зависит от принятого Дюраном общего направления толкования символики мессы. Пространственные перемещения как бы дополняют сложное сплетение смыслов, образующееся вокруг толкования богослужения, и имеют своё собственное ясно формулируемое значение. Отождествляя правую и левую стороны алтаря с местами обитания иудеев и языческих народов, Дюран демонстрирует не только свершение предсказаний о рождении Христа в Палестине, но и наглядно представляет историю развития христианства от зарождения до Страшного суда. Другим аспектом «географического» толкования перемещений священника является связь между сторонами алтаря и сторонами света. Символическое толкование тут сохраняет связь с пространственной организацией материальной церкви — правая сторона алтаря обозначает юг: священник перемещается для вступительной молитвы направо, т.к. Бог должен прийти с юга.

Пятая часть посвящена изучению толкований процессий Дюраном и его предшественниками на примерах Входной процессии, шествия диакона к амвону и городских шествий. Определяющей для толкований процессий идеей является идея перехода, причем в большинстве случаев переход происходит от места, обладающего меньшей святостью, к месту, характеризующему большей святостью. В рассмотренных описаниях процессий пространственно-временные отношения предшествования и последования приобретают различные смыслы в зависимости от типов толкования. При «историческом» толковании процессии как напоминания о событиях священной истории эти отношения передают скорее временную последовательность — идущий впереди ассоциируется с персонажем Священного Писания, пришедшим в мир раньше. При «моральном» истолковании процессий отношения предшествования и

последования приобретают иерархический смысл. В толкованиях процессий вне церкви проявляется особое отношение к городскому пространству, освящаемому шествием. Подобно тому, как литургия преобразует пространство церкви, превращая её в малое подобие Святой земли или даже всего мира, процессия изменяет символическое восприятие города, топография которого на время церемониального действия отождествляется со священными местами Палестины.

Во второй главе **«Папские коронации и образ Рима в папском церемониале»** предпринят анализ методов решения конкретной проблемы, которая встала в XIII в. перед куриальными специалистами в области папской литургии, — необходимость преобразования папской коронации в Риме в «универсальную» церемонию, которую можно было проводить в любом городе христианского мира и не зависящую от римского городского ландшафта и устройства римских церквей. Передача полноты власти каждому новому «наследнику Петра» предполагала осуществление целого комплекса церемоний, проходивших по всему городу, поэтому задача избавления этой сложной процедуры от «римских» особенностей требовала решения множества проблем, связанных не в последнюю очередь с пространственной организацией. Переезды римской курии из города в город поставили перед специалистами по папским богослужениям и околотургическим практикам (в то время ещё не оформившимися как отдельный институт при курии) вопрос о том, что же такое церемония? Какая её часть является сугубо римской, а какая может быть без «символических потерь» перенесена в новое место? Шаги в направлении решения этой сложной проблемы отразились в постепенной эволюции текстов чинов.

В *первой части* на материале чинов IX — XIII вв. рассмотрен процесс формирования пространственного устройства церемонии папской коронации в Риме в его тесной связи с особенностями городской топографии. В исследовании показано, как в связи с ростом значения обряда возложения

тиары в составе общей церемонии было изменено место его проведения: от подножия лестницы перед базиликой св. Петра в Ватикане оно переместилось на площадь прямо перед собором. В XII — XIII вв. складывается маршрут коронационного шествия через весь город от Ватиканской базилики до Латеранского дворца: по маршруту шествия были предусмотрены остановки на трёх разных площадях для разбрасывания монет собиравшимся там толпам римлян.

В XIII веке в силу политических и иных обстоятельств вопрос о возможности переноса церемонии коронации в другие города особенно актуализировался, что нашло отражение в появлении ряда новых чинов коронации. Источниковедческий анализ коронационных чинов Григория X, Климента V и Иоанна XXII приведен во *второй части* главы.

Третья часть посвящена способам описаний и организации церемонии в других городах. Образ «римской» коронации в чинах коронаций «extra urbem» проявляется двояко. С одной стороны, образ Рима оказывал влияние на способ описания церемоний. Терминология, использовавшаяся для описания римских церквей, дворцов и городской топографии, зачастую без всяких изменений переносилась на внеримские объекты. С другой стороны, церемонии, описанные в чинах, «воссоздают» образ Рима трансформированным для условий того храма и того города, где в действительности происходила та или иная коронация.

Центральными эпизодами в эволюции коронационной церемонии, как представляется, стали две папские коронации в Лионе — Климента V (1305) и Иоанна XXII (1316). Сохранившиеся нелитургические источники по коронациям позволяют дополнить лакуны, имевшиеся в чинах и проследить, как авторы церемониальных указаний, стремясь в точности воспроизвести римские обычаи, сталкивались с особенностями архитектуры лионских церквей и устройства города. На примере коронации Иоанна XXII можно видеть, как церемония обретает свою не зависящую от конкретной городской топографии

форму. Парадоксальным образом эта «универсальная» форма и включает в себя образ Рима, воспроизводимый впоследствии авиньонскими коронациями.

Воспроизведение церемонии в новых городах способствовало формированию её формального образа, в котором нашли отражение именно римские реалии. Поскольку в Риме коронованный понтифик ехал через город в Латеранский дворец, для церемоний рукоположения вне Рима старались выбирать церкви, отдаленные от места пребывания понтифика (в чинах всегда названо «дворцом»). Лестница над площадью св. Петра в складывающейся формализованной церемонии превратилась в помост, который специально строили для того, чтобы возложение тиары перед церковью произошло именно на нём; количество остановок процессии, определяемое в Риме особенностями городской топографии, стало жестко нормированным и воспроизводилось в иных городах без какого-либо внимания к их планировке. Образ Рима мог, вероятно, влиять и на выбор тех или иных мест для остановок торжественной процессии, однако доказать это из-за недостаточности материала не представляется возможным.

В *четвёртой части* рассматриваются немногочисленные источники по папским коронациям в Авиньоне. Несохранившиеся «сценарии» коронаций этого периода не позволяют делать далеко идущих выводов о том, как именно проходили коронации, однако отдельные оговорки в источниках позволяют предположить, что идея уподобления пространства церемонии городскому пространству Рима (понимаемому символически, а не топографически) сохраняла свою актуальность и в этот период

В **Заключении** суммируются выводы, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

К тексту второй главы диссертации прилагаются **иллюстрации** (даны в Приложении в конце диссертации).

Положения, выносимые на защиту:

- Литургические трактаты демонстрируют принципиальное различие в восприятии «сцены» богослужения, представленной архитектурой церкви, и пространствами, образуемыми людьми и элементами сакральной архитектуры в ходе богослужения. Если толкование первых предстаёт более статичным и упорядоченным, то толкование вторых зависит от действий участников и осмысления конкретного момента богослужения или литургии в целом.
- Хотя ведущей парадигмой истолкования здания церкви являлся Храм Соломона, в трактовке отдельных частей церкви между литургистами возникают разногласия, определявшиеся различиями как в целях написания трактатов, так и в интерпретационных традициях, к которым принадлежали авторы. Главным прототипом для толкования символических пространств в ходе литургии становится география Святой земли.
- В XIII в. происходит становление церемонии папской коронации в Риме и вырабатываются правила, позволяющие при необходимости перенести её за пределы Вечного города. В пространственной организации церемонии, воспроизводившейся время от времени в ряде различных европейских городов, нашла отражение исторически сложившаяся топография Рима. В описаниях внеримских коронаций прослеживается стремление авторов церемониальных чинов отождествить город, где проходит коронация, с Римом. Образ Рима, таким образом, проецируется на реальную топографию данного города, оказывая существенное воздействие на пространственную организацию церемонии в нём.
- В рамках «пространственных образов» пространства, воспринимаемые участниками церемонии, сосуществуют со своими воображаемыми прототипами. Посредством церемоний, воспроизводящих пра-пространство,

образы пространства становятся одним из важнейших институтов культурной памяти корпорации клириков, близких к курии.

Список публикаций по теме диссертации:

Публикации в периодических изданиях, включённых в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ:

1. *Ломакин Н. А.* Символическое толкование пространства церкви в трактате Гийома Дюрана «Rationale divinatorum officiorum» // Средние века. М., 2012. Вып. 73 (1-2). С. 178-203. — 1,6 п. л.
2. *Ломакин Н. А.* Папский церемониал и городское пространство Рима в XII в. // ЭНОЖ «История». 2012. Вып. 2(10). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mes.igh.ru/magazine/content/papskii-zeremonial.html> (последнее обращение 24.04.2012). — 1,1 п. л.

Публикации в материалах всероссийских и международных научных конференций:

Ломакин Н. А. Репрезентация папской власти в церемониале литургического года (на примере дарования индульгенции на Страстную Пятницу 1406 г. в Савоне) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы XXX научной международной Курбатовской конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых, 24-26 ноября 2010. Спб., 2010. С. 52-54. — 0,1 п. л.

Энциклопедические статьи (выборочно):

Ломакин Н. А. Имперская церковь [раздел: Восточнофранкское (германское) королевство] // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 413-417. — 1 п. л.;

Ломакин Н. А. Иннокентий III, антипапа // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 44. — 0,2 п. л.;

- Ломакин Н. А. (в соавторстве) Иннокентий III // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 44-55. — 3 п. л.;*
- Ломакин Н. А. (в соавторстве) Иннокентий IV // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 56-61 — 1,1 п. л.;*
- Ломакин Н. А. Иннокентий VII // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 63-64. — 0,5 п. л.;*
- Ломакин Н. А. Казула // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. [в печати]. — 0,2 п. л.;*
- Ломакин Н. А. Каллист II // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. [в печати]. — 1 п. л.;*
- Ломакин Н. А. Каллист III, антипапа // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. [в печати]. — 0,2 п. л.*